

Дарья Маркова

Мир как миг

Алексей Макушинский. *Остановленный мир*.
Роман. Издательство «Э», 2018. ISBN: 978-5-04-091926-0

Проза, стихи, эссе — разные виды художественной речи, и хотя Алексей Макушинский не раз говорил в интервью¹, что эссе и стихи с прозой несовместимы — пишется или одно, или другое, — тем интереснее видеть единство этого большого текста. Новый роман тут работает как собирающая линза.

«Остановленный мир».

«Остановленные мгновения мысли».

«Остановка мира».

Первое — название романа.

Второе — авторская образная характеристика эссе из предуведомления к сборнику «У пирамиды». (В числе других в этом сборнике есть эссе о стихотворении Анненского «Чёрный силуэт»). Местами оно читается как комментарий к роману.)

Третье — выражение, которое нередко используют, говоря о дзен-буддизме, занимающем такое большое место в истории героев Макушинского. Десять лет назад оно появилось в статье о сборнике его стихов «Свет за деревьями» и, видимо, попало в цель, потому что из всех критических высказываний именно оно выбрано для страницы «Биография» на сайте писателя: «Это — такое состояние созерцания, некой «остановки мира», когда спокойно, никуда не торопясь, можно рассмотреть каждую деталь, обдумать её и разные ассоциации, ею рождаемые»². Такое состояние, продлённое в прозаическом тексте, дало почти 800 страниц созерцания, обдумывания и ассоциаций.

Остановленный.

Остановка.

¹ Например, тут: <http://eclectic-magazine.ru/aleksej-makushinskij-roman-paraxod-v-argentinu-intervyu/>

² Егор Радов «Жажда света» // Зарубежные записки, 2008, 14 <http://magazines.russ.ru/zz/2008/14/ra16.html>

Остановись.

Мгновение.

Миг.

Мир.

Едва названный, *тот миф, тот миг* уходит в прошлое, прошлого становится всё больше, ассоциации ветвятся, предложения, раз начавшись, не заканчиваются почти сколь угодно долго. Сидя на подушке для медитаций, лёжа на неудобной постели гостиничного номера или на чёрном диване в гостях у старинной приятельницы, герой-рассказчик позволяет миру струиться вокруг, превращает чужой рассказ в свою историю, включая её в свою «вселенную воспоминаний» и фиксируя её в книге.

Этот роман — одновременно история его написания. В самом начале рассказчик сообщает, что предыдущая книга кончена: «Ещё я думал о том, что вот, увы, роман, всё последнее время меня занимавший — «Пароход в Аргентину» — ...роман этот, к моему счастью и несчастью, закончился, что он, в общем, дописан, доделан, и что ещё я езжу, по инерции, по Европе в поисках архитектурных впечатлений, источников вдохновения, но что уже нужно не выдумывать (выдумать их нельзя, как бы ни хотелось их выдумать) другую историю, других персонажей, — нужно просто ждать (и неизвестно ещё, как долго ждать), чтобы они сами во мне появились, склублились, обрели черты и ожили, и заговорили со мной и друг с другом».

«Остановленный мир» — зафиксированный процесс «сгущения» персонажей и нового текста (который мы, собственно, и читаем), обретения того и другого.

Поэтому в первой части книги в фокусе внимания — герой-нарратор, она так и называется: «Часть первая, где больше всего говорится обо мне самом». «Я» в центре — подтверждает эпиграф из Тютчева: «О, нашей мысли обольщенье, / Ты, человеческое Я...» Читателя подводят к любимой цитате рассказчика: «Потому что там, где пробуждается любовь, умирает я, тёмный деспот». Герой-автор много раз повторяет по-русски и по-немецки эти слова персидского поэта Руми, чтобы потом вернуться к ним в примечаниях. Там стихотворение приводится

уже полностью — в переводе Фридриха Рюккертта и с русским подстрочником.

«Я», персонаж-автор, неизменно фигурирует на страницах романов Алексея Макушинского. «Моё правдивое повествование», — иронизирует писатель, вечно подчёркивающий свою верность вымыслу. Не зря автор в словах, предпосланных роману, утверждает, что «все персонажи (включая автора) вымышлены». Задача читателя — остаться в вымышленном мире, не пытаясь жадно вычитать из него подробности биографии, воспринимать это «я» рассказчика, «я» лирического героя и разбросанные по текстам указания на подлинные произведения и события, приметы жизни автора как структуру, организующую истории и впечатления.

Вторая часть книги — рождение (и смерть) любви. История любви Тины и Виктора кажется основой сюжета. Кто они такие? Откуда взялись? Это те самые персонажи, которые клубятся, обретают черты, оживают, заговаривают — причём активно — не только друг с другом, но и с героем-рассказчиком. Это они обретают голос, приносят с собой новые вселенные историй. Тина — фотограф, Виктор — буддист, рассказчик — писатель. Каждый из них по-своему останавливает мир. Тина ловит его в объектив, в кадр. Виктор ищет дзенскую «остановку мира» — остановку ума, парадоксальным образом возвращающую подвижность миру (как в финале романа). Писатель выбирает свой способ фиксации мира в тексте.

Дзен, фотография, писательство — способы «справиться с жизнью»³. Попытки «поймать» этот мир, почти всегда связаны с пересозданием, переупорядочиванием и переустройством. В романе зафиксированы три пути, и два из них — фотография и писательство — оказываются родственными по своей природе.

Третья часть книги, казалось бы, рассказывает об исчезновении героя, а на самом деле она — о появлении. Текста. Мира. Мира художественного текста. «Тут говорится о разных вещах и людях, в том числе обо мне и о Тине, но больше всего говорится, пожалуй, о Викторе».

³ См., например, интервью с Алексеем Макушинским: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=2618

Каждый придумывает за Виктора его путь, где он сам — неизвестно, да и не так важно. С осознания этого момента рассказчик начинает писать роман, который мы читаем теперь: «Достаточно Виктора исчезнувшего, сказал я себе. В жизни я бы мечтал найти его, для литературы он, найденный, уже мне не нужен». Виктор сгустился, склубился — появился как герой. Его появление уже структурирует, как всегда всё выстраивает взгляд назад, ретроспектива. В мире всё взаимосвязано, повторяет герой-рассказчик раз за разом, и этот герой — сам часть структуры, выстраивающей взаимосвязи между разными текстами Макушинского. Писатель Макушинский, его романы «Город в долину», «Пароход в Аргентину» и их герои — Павел Двигубский, Александр Воскобойников — *Alexandre Vosco*, — тоже входят в текст нового романа.

«Всё как-то связано в мире, но мы не знаем, конечно, как. Мы чувствуем, что всё как-то связано в мире, что всё со всем соотносится, одно отзывается в другом и перекликается с третьим — слова, и поступки, и события, и воспоминанья, и то, что было, и то, чего не было, — но эта связь ускользает от нас, манит нас, не даётся нам в руки». Так выстроен и роман, долго не дающийся в руки читателю, но простроенный автором, создающим эти связи.

В третьей части книги герои отчаянно засыпают (после двух бессонных ночей, соответствующих первым двум частям романа). Метафорическое послание: «Вы спите, вам надо проснуться» — сочетается с буквальным отсутствием сна: бессонными ночами, попытками не уснуть за рулём... Пробуждение состоится в финале, когда герою удастся на миг перестать гнаться за чем бы то ни было — новым текстом, новым кадром, просветлением, Виктором. В тот миг, когда всё это соприсутствует рядом с ними, когда они сами замирают в настоящем, остановленный мир оживает. «А ведь мы и живём, думал я, благодаря этим кратким, всякий раз неожиданным, преодолевающим жизнь пробуждениям», — осознаёт герой-рассказчик. Одно из них зафиксировано в финале романа: на миг, на мгновение (2,7 секунды, как указано в самом тексте) мир замер, ожидание наполнилось. Персонаж появился, прожил свою книгу и снова вышел вон.